

чем..." (14; 272). Отметим важную, на наш взгляд, деталь: в этой фразе *безбожие* человека отождествляется с неспособностью "захотеть понять", что жизнь есть рай, т.е. вера в Бога в своей сущности сводится к тому, что демонстрирует Кириллов – к внутреннему преображению человека, открывающему его неразрывное единство с миром и с другими людьми и выявляющему божественное основание бытия человека и мира. В этом смысле "захотеть понять" – это, конечно же, не обычное интеллектуальное понимание, а мистическое усилие, раскрывающее неведомые глубины личности; его в нашем мире могут осуществлять лишь единицы, призванные быть пророками и святыми, но потенциально этой способностью обладают все.

Возвращаясь к истории Ивана Карамазова, можно задать вопрос: почему же, обладая глубокой и искренней верой, в центре которой находится представление о божественном совершенстве человека, Иван находится вне радости, связанной с этой верой, почему испытывает только неисчислимы страдания и даже неприязнь к людям, о чем он повествует Алеше в главе "Бунт"? Но в том-то и дело, что "высшая" радость (искренняя и страстная вера) в отрыве от "низшей" – неполноценна, перестает отвечать своей сущности, подобно тому как "низшая" в отрыве от "высшей" становится проклятием низменных страстей. Проблема Ивана повторяет проблему Дмитрия: как Дмитрию не хватает подлинности и глубины его веры, чтобы осветить и *освятить* его "сладострастие", его жизненную энергию, так Ивану не хватает непосредственной жизненной силы, чтобы сделать свою веру действенной и по-настоящему *живой*. Эта аналогия становится особенно очевидной, если мы вспомним про Смердякова, который по отношению к Ивану выступает точно таким же "зеркалом", каким для Дмитрия выступает их отец.

Федор Павлович демонстрирует, что станет с Дмитрием, если он не осуществит преображение жизненной радости в высшую радость веры, – она станет проклятием монотонного разврата. Но точно так же и Смердяков показывает, что отточенность ума, не пропитанного иррациональной радостью жизни, приводит только к сухой схоластике и бесконечным антиномиям, в которых запутывается и гибнет сознание. Сравнение со Смердяковым позволяет уточнить сформулированную выше проблему Ивана: она не в том, что в нем полностью отсутствует способность радости, в том смысле, как ее выражает Дмитрий; эта радость в Иване есть, хотя бы в силу его карамазовской природы, – он оказывается не в состоянии *соединить* свою веру с присущей ему жаждой жизни.

Тем не менее детальный анализ истории Ивана (который приходится оставить за пределами настоящей работы), как нам кажется, свидетельствует в пользу того, что безумие Ивана, которым кончается его романная судьба, является для него не гибелью, а кризисом, *после которого последует воскресение к новой жизни*. В этой новой жизни он соединит наконец свой отточенный разум со своим страстным сердцем, соединит карамазовскую жажду жизни с глубокой и подлинной верой, твердо овладевшей его душой. Отрицание мира, которое раньше господствовало в его вере, останется в качестве преодоленного момента в ней, а ее высшим моментом станет то радостное приятие мира в его высшем совершенстве, которое демонстрирует Кириллов в своих "пяти секундах" (и к которому приближается в своей жизни Зосима). Точно так же и неприязнь в ближним, которую демонстрирует в начале своей истории Иван, должна смениться подлинной любовью к ним. Намек на это содержится в эпизоде перед его кошмаром, когда, возвращаясь домой от Смердякова, после твердого решения выступить на суде с признанием, он спасает от верной гибели пьяного мужичонка, лежащего без чувств в снегу. Самое веское свидетельство благоприятного будущего Ивана дает сам повествователь; хотя он и не совпадает с автором романа, в данном случае в его суждении вполне уверенно звучит голос Достоевского. Первый раз упоминая о любви Ивана к Катерине Ивановне, повествователь вскользь сообщает нам и о его будущем: "Здесь не место начинать об этой новой страсти Ивана Федоровича, отразившейся потом на всей его жизни: это все могло бы послужить канвой уже иного рассказа, другого романа, который и не знаю, предприиму ли еще когда-нибудь" (15;